

с другой социально-бытовой повестью на ту же тему — с «Повестью о Савве Грудцыне». В идейном отношении обе повести очень близки: обе отстаивают интересы «отцов», показывают «детям» рискованность их попытки жить без опеки старших, заставляя своих героев, совершавших необдуманнные, неосторожные поступки, кончать жизнь в монастыре. Такой приговор выносят авторы своим героям, такой «наглядный урок» они дают молодому поколению. В борьбе «отцов и детей» своего времени они в одном лагере. У них одна и та же нравоучительная цель, но к этой цели они идут разными художественными путями.

«Повесть о Савве» стремится к конкретности во всем, даже в мелочах: указаны эпоха, хронология событий, их участники — исторические лица, даны имена второстепенных персонажей, названы реки, города, даже улицы. Фамилия героя известна из документов. Мне кажется, эта конкретность (отчасти, может быть, мнимая, условная) — результат воздействия исторических повестей начала XVII в., эпохи «смуты», с упоминания о которой автор и начинает свой рассказ, — ведь историко-публицистическая повесть начала XVII в. оказала бесспорное влияние на последующее развитие повествовательной литературы. Перед нами единственный конкретный случай, как бы взятый из действительной жизни.¹³ Автор идет от частного к общему, он пытается решить проблему взаимоотношения «отцов и детей» на частном примере, на одном случае, которым он иллюстрирует свое решение вопроса, прямо здесь не раскрытое.

«Повесть о Горе-Злочастии» этой конкретности, историчности лишена. В ней нет ни одного имени, ни одного названия местности или события, и надо гадать, из какой среды и эпохи взят герой, где и когда развивается действие. Это своего рода алгебраическая формула, где вместо конкретных цифр стоят условные буквенные обозначения. И как в такой формуле вместо букв можно подставить различные цифры, так и в нашей повести на место отсутствующих конкретных данных можно подставить любые имена, названия, даты, так как, по сути, это ничего не меняет: при любых конкретных данных неизменно остается закон возмездия заслушанье. Автор повести идет от общего к частному, он ставит вопрос об отношениях двух поколений не в связи с историей одного какого-нибудь определенного лица, а вообще, «в мировом масштабе», на фоне судьбы всего человечества, основываясь на своем понимании хода всемирной истории. Решение вопроса дано уже в прологе, и автор еще раз подчеркивает его в центральной части повести: «А хто родителей своих на добро учения не слушает, того выучю я, горе злочастное». Этот прием обобщения через обезличение, безыменность, конечно, связан с фольклором; именно в народных лирических песнях и сказках действуют безыменные герои и героини вне определенного времени и пространства, молодцы и девицы вообще.

¹³ П. Н. Сакулин (Русская литература, ч. II, М., 1926) и Н. К. Гудзий считали, что в основе данной повести лежит реальный факт из жизни какого-то Грудцына. Такие же предположения вызывала и «Повесть о Фроле Скобееве». И Е. Забелин прямо говорил: «история эта, без всякого сомнения, истинное происшествие» (Отечественные записки, 1853, май, отд. V). П. К. Гудзий на основании фамилий повести (Нащокин, Ловчиков) тоже допускал «возможность реальной подкладки для ее написания». Совсем недавно обнаружилось, что в XVII в. существовали не только Ловчиковы, но и Скобеевы, мелкопоместные дворяне Бежецкого верха (см.: Ю. К. Бегунов. Бежецкие отрывки «Повести о Фроле Скобееве». — ТОДРА, т. XXI, М.—Л., 1965, стр. 355—356). И хотя Н. К. Гудзий, начиная с 5-го издания курса лекций (История древней русской литературы Изд. 5—7-е. М., 1953—1966), снял свои предположения о реальной основе обеих повестей, мне она кажется возможной. Думаю, что все-таки есть основания ставить вопрос о реальных прототипах литературных героев с историческими именами, а не видеть в них всегда только литературный прием.